

Субботин Николай Иванович

**Раскол как орудие враждебных
России партий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н63

Н63 **Николай Иванович С.**
Раскол как орудие враждебных России партий / Субботин Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 200 с.

ISBN 978-5-519-75725-6

История. Исторические науки -- Россия -- Период капитализма (1861-1917) -- Период промышленного капитализма (1861 г. - 2 пол. 90-х гг. 19 в.) -- Классовая борьба. общественно-политические движения -- Революционно-демократическое движение 60-х - начала 90-х гг. -- Революционная ситуация 1859-1861 гг. Революционно-демократическое движение 60-х гг. -- Революционно-демократическое движение 60-х гг., История. Исторические науки -- Россия -- Период феодализма (4 в. - 1861 г.) -- Период разложения и кризиса феодализма (с кон. 90-х гг. 18 в. до кон. 50-х гг. 19 в.) -- Россия с 20-х до 50-х гг. 19 в. -- Классовая борьба. общественно-политические движения -- Революционное движение -- Возникновение революционно-демократического движения, раскол, старообрядцы, раскольники

ISBN 978-5-519-75725-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Хочу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что значитъ ножъ, медомъ помазанъ, и уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра.... Вамъ довольно въ предосторожность: только слова того, если услышите „конституція“ бойтесь, аки нѣкоего кроваваго губителя, являющагося къ вамъ подъ видомъ благотворителя.“

(Изъ письма инокъ Павла въ Москву, отъ 23-го іюня 1848 года.)

„Къ симъ же завѣщаю вамъ, возлюбленніи: всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтесь и бѣгайте, якоже отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніями возмущающихъ европейскія державы.... Бѣгайте убо отъ трехлѣтнихъ, имъ же образомъ бѣжитъ человекъ отъ лица звѣрей страшныхъ и зміевъ пресмыкающихся; то бо суть предотечи антихристовы, тѣщающіеся безначаліемъ предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ, представляющихъя акибы состраждущими о человечествѣ, но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнутъ сильнѣйшимъ, немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе воюду зло есть и сліянію виновно....“

(Изъ архипастырскаго посланія къ русскимъ старообрядцамъ, составленнаго Иларіономъ Георгіевичемъ и изданнаго Кирилломъ 24-го февраля 1863 года.)

I.

Между существующими у насъ разными воззрѣніями на расколъ, есть и два слѣдующія, совершенно противоположныя: одни видятъ въ расколѣ явленіе чисто религіозное, вызванное къ существованію и доселѣ существующее интересами исключительно религіозными; другіе, напротивъ, придаютъ ему исключительно политическій характеръ, считаютъ расколъ порожденіемъ крайняго недовольства, вызваннаго злоупотребленіями правительства въ отношеніи къ народу, видятъ въ немъ и въ настоящее время не иное что,

какъ оппозицію народа существующимъ въ Россіи порядкамъ гражданскаго и общественнаго устройства, оппозицію, только прикрытую характеромъ религіозности, такъ что эта религіозность не имѣетъ почти никакого значенія въ отношеніи къ существу и внутреннему смыслу раскола.

Если перваго изъ этихъ мнѣній нельзя признать совершенно правильнымъ, то въ послѣднемъ правды еще меньше. Если невозможно отрицать, что строгія мѣры противъ раскольниковъ вызывали въ средѣ ихъ громкій ропотъ на правительство и доводили ихъ даже до открытыхъ возстаній противъ законной власти, то съ другой стороны не трудно и въ этихъ даже явленіяхъ примѣтить основы чисто религіозныя: ропотъ и самыя возстанія были вызываемы не гражданскими стѣсненіями, въ перенесеніи которыхъ старообрядцы могутъ показать не меньше терпѣливости, какъ и весь русскій народъ, а именно стѣсненіями ихъ религіозной свободы; искренніе старообрядцы, когда и возставали противъ правительства, возставали во имя религіи, на защиту своей „старой вѣры“. Въ предрежащей власти, согласно ученію Священнаго Писанія и завѣту предковъ, чтятъ они власть поставленную Богомъ, и подчиняться ей во всемъ, чѣмъ только, по ихъ мнѣнію, не повреждается вѣра и благочестіе, они считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ. Это съ увѣренностью можно сказать по крайней мѣрѣ о той значительнѣйшей половинѣ старообрядства, которая пріемлетъ священство и которой мы по преимуществу усвоимъ это названіе (старообрядство).

И однакожь мнѣнія, что расколъ (говоря словами одного ученаго изслѣдователя) имѣетъ характеръ соціально-политико-демократическій, охотно держатся еще многіе, и именно тѣ, которымъ желательно, чтобы расколъ отличался такимъ характеромъ. Чего желаемъ, тому вѣрится легко. Притомъ же, исторія представляетъ довольно событій, которыя очень удобно объяснить въ пользу такого мнѣнія. Соловецкая осада, стрѣлцкій мятежъ, бунты Разина и Пугачева, въ которыхъ раскольники принимали болѣе или менѣе близкое участіе, все это, повидимому, не доказываетъ ли дѣйствительнаго присутствія въ расколѣ революціонныхъ, антиправительственныхъ началъ? Какія собственно побужденія вызвали первоначально, напримѣръ, соловецкій

мятежъ, или какая доля участія принадлежала расколу въ бунтахъ Разина и Пугачева? На подобные вопросы не обращаютъ вниманія люди, желающіе видѣть въ расколѣ явленіе, вызванное исключительно враждой противъ правительства. Минуя эти вопросы, они выводятъ изъ указанныхъ событій общее заключеніе, что и всѣ дѣйствія раскольниковъ, хотя бы очевидно религіозныя, имѣютъ тотъ же антиправительственный характеръ, только прикрытый религіозностью. И такимъ образомъ людьми, повсюду ищущими антиправительственныхъ, революціонныхъ элементовъ, принимается за несомнѣнное, что расколъ есть явленіе соціально-демократическое, что онъ крайне враждебно относится къ правительству и всегда, по первому призыву, готовъ возстать противъ установленной власти.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на расколъ, антирусская революціонная партія признала его родною себѣ силой, которою можетъ воспользоваться въ нужномъ случаѣ, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сила эта распространена по всѣмъ концамъ Русскаго государства. Нужно было поэтому заблаговременно войти въ сношеніе съ раскольниками, побрататься съ ними, выразить имъ свое родственное сочувствіе и просить такого же съ ихъ стороны, чтобы приняться общими силами за общее дѣло... Въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе антирусской революціонной партіи остановилось прежде всего на заграничныхъ раскольникахъ, особенно на поселившихся въ австрійскихъ и турецкихъ предѣлахъ. Вожди этой партіи предполагали, и конечно справедливо, что здѣсь скопилось гораздо больше элементовъ враждебныхъ русскому правительству нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ раскольниками. Здѣсь жили потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые во времена гоненій за вѣру рѣшились бѣжать изъ Россіи. Оставляя родину, эти люди, конечно, вынесли изъ нея чувства, крайне враждебныя въ отношеніи къ той власти, которая принудила ихъ рѣшиться на такое тяжкое лишеніе. Потомки ихъ, по традиціи, наследовали отъ нихъ эту вражду, а новые выходцы изъ Россіи оживляли и поддерживали въ нихъ враждебныя къ Россіи чувства своими, нерѣдко преувеличенными разказами о собственныхъ личныхъ огорченіяхъ отъ русскаго правительства. Живя подѣ законами иной вер-

ховной власти, они не считали себя обязанными подчиняться и наставленіямъ Слова Божія о повиновеніи предержавнымъ властямъ въ своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ русскому правительству: эти наставленія они признавали обязательными для себя по отношенію не къ русскому уже, а къ австрійскому и турецкому правительствамъ, не стѣсняясь тѣмъ, что эти правительства латинское и магометанское. Другимъ важнымъ побужденіемъ для антирусской партіи войти прежде всего въ сношенія съ заграничными раскольниками, чтобы возбудить ихъ къ совокупному дѣйствованію противъ Россіи, служило самое удобство этихъ сношеній: они обезопасены отъ надзора и вмѣшательства русской власти, они могутъ происходить даже подъ покровомъ иностранныхъ правительствъ, если не враждебныхъ къ Россіи, то во всякомъ случаѣ не расположенныхъ много заботиться объ интересахъ сосѣдственной державы. А въ случаѣ успѣха сношеній съ заграничными раскольниками, самая связь и полная солидарность ихъ съ русскими старообрядцами ругались, повидимому, за успѣхъ революціоннаго дѣла и у этихъ послѣднихъ. Овладевъ же такою силой, какъ расколъ, столь широко разросшійся на русской почвѣ, и соединивъ ее съ собственною, будто бы не менѣе могучею силой, какихъ успѣховъ, какого торжества нельзя будетъ достигнуть!

Такъ разсуждала, или, правильнѣе, такъ могла мечтать антирусская революціонная партія, основываясь на своихъ исключительныхъ понятіяхъ о русскомъ расколѣ. Такія мечтанія и замыслы возникли въ средѣ этой партіи довольно рано. Такими, конечно, соображеніями руководился въ свое время и Адамъ Чарторыйскій, когда самъ ли, по указанію ли кого другаго, обратилъ вниманіе на поселившихся заграницей русскихъ старообрядцевъ, какъ на удобное орудіе для осуществленія своихъ враждебныхъ Россіи плановъ. Послѣ революціи 1830 года онъ, какъ извѣстно, выбралъ одного изъ наиболѣе талантливыхъ молодыхъ людей между своими адептами и отправилъ его агентомъ въ Добруджу, населенную Некрасовцами, потомками той отчаянной шайки казаковъ, которая вмѣстѣ съ атаманомъ Некрасовымъ убѣжала изъ Россіи во время Булавинскаго бунта. Молодой человекъ, отправленный служить польскому дѣлу среди этого воинственнаго люда, былъ Михаилъ Чайковскій. Онъ посту-

пилъ на службу султана, принялъ исламизмъ и усердно занялся осуществленіемъ плановъ своей миссіи, въ чемъ не менѣе усердно помогали ему его соотечественники, также переселившіеся въ Турцію для основанія и утвержденія здѣсь польской пропаганды. Въ основѣ этихъ плановъ лежала мысль о восстановленіи, при посредствѣ турецкаго султана, независимости всѣхъ славянскихъ національностей подъ знаменемъ свободной Польши. Эти фантастическіе планы Чайковскаго такъ и остались пустыми фантазіями. Не осуществился и входившій въ эти планы расчетъ, при помощи добруджинскихъ казаковъ-раскольниковъ, поднять противъ Россіи единовѣрныхъ имъ казаковъ линейныхъ, донскихъ и уральскихъ. Но все-таки Чайковскій успѣлъ войти въ близкія сношенія съ заграничными раскольниками, стараясь оказывать имъ всякаго рода доброжелательство. Разнаго рода услуги, которыя въ качествѣ турецкаго паши имѣлъ онъ возможность оказать имъ, сдѣлали эти сношенія еще крѣпче и тѣснѣе. Н. И. Надеждинъ, ѣздившій за границу для ознакомленія съ живущими тамъ русскими старообрядцами, въ своей превосходной запискѣ *О заграничныхъ раскольникахъ*, разказываетъ о Чайковскомъ, котораго встрѣтилъ въ Тульчѣ подъ именемъ Ахмедъ-Бей, что онъ находился въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ добруджинскими раскольниками и разчитывалъ на ихъ помощь въ осуществленіи своихъ панславистическихъ фантазій. „Онъ обратилъ мое вниманіе“, писалъ Надеждинъ, „на турецкихъ казаковъ-раскольниковъ, выхваляя ихъ воинственный духъ и патріархальную суровость нравовъ, которые, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ твердый залогъ счастливой будущности для восстановленія самобытности всѣхъ вообще казаковъ, возможнаго впрочемъ не иначе, какъ въ союзѣ съ Польшей.“ Отъ наблюдательнаго путешественника не скрылось, что въ казакахъ-Некрасовцахъ была уже посѣяна тогда какаля-то безпокойная, тревожная мысль, которой Чайковскій служилъ проводникомъ и истолкователемъ. „Въ особенности, пишетъ онъ, поразило меня то, что каждый казакъ, являясь къ Ахмедъ-Бейю, прежде всего показывалъ ему половину какой-то медали съ особенною таинственностью и торжественностью; послѣ этого начинались между ними отрывистые разговоры, въ которыхъ слышались имена Дуная и Дона, Сѣчи и Мос-

квы, князя Адама и благополучно царствующаго императора“ (Николая I). Въ Константинополѣ Надеждинъ успѣлъ узнать, что таинственное лицо, называвшееся Ахмедъ-Беемъ, былъ именно Чайковскій, и что онъ, вмѣстѣ съ другимъ агентомъ Чарторыйскаго, Викентіемъ Равскимъ, хлопоталъ о возбужденіи казаковъ къ общему дружному возстанію за казачество и за старую вѣру, *когда придетъ время*.*

Вскорѣ по отъѣздѣ Надеждина, Чайковскому удалось помочь раскольникамъ въ такомъ дѣлѣ, которое не имѣло, по видимому, прямой связи съ его планами, но тѣмъ не менѣе могло быть для этихъ плановъ весьма полезно. Въ то самое время какъ Надеждинъ посѣтилъ Бѣлокриницкій монастырь въ Буковинѣ, тамъ происходили сильныя хлопоты объ учрежденіи новой раскольничьей іерархіи: отъ австрійскаго правительства было получено уже формальное дозволеніе имѣть старообрядцамъ своего собственнаго епископа, и бѣлокриницкіе депутаты, Павелъ и Алимпій, теперь именно озабочены были пріисканіемъ православнаго архіерея, который согласился бы на извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться раскольничьимъ верховнымъ святителемъ. Видны ихъ обращены были главнымъ образомъ на патріархатъ константинопольскій, въ которомъ, какъ хорошо было извѣстно имъ, находилось много безмѣстныхъ и проживавшихъ на покоѣ архіереевъ. Сманить въ расколъ кого-нибудь изъ нихъ, пользуясь ихъ крайне стѣсненными обстоятельствами и совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно русскаго раскола, вотъ на что именно разчитывали искусные раскольничьи агенты. Отправляясь съ этою цѣлю въ Константинополь, они заѣхали въ сентябрѣ 1845 года къ задунайскимъ своимъ единовѣрцамъ, чтобы посоветоваться какъ удобнѣе устроить дѣло. Между Некрасовцами и въ то время уже пользовался извѣстностью, проживавшій тогда въ Сарыкойѣ, казакъ Осипъ Семеновичъ Гончаровъ, человекъ дѣйствительно умный, надѣленный рѣдкою памятью, отважный и предприимчивый, притомъ же хорошо владѣющій турецкимъ языкомъ, что большая рѣдкость между Некрасовцами.** Онъ часто ѣзжалъ въ Константино-

* См. *Записку о заграничныхъ раскольникахъ* Надеждина въ I т. *Сборника*, изданнаго Кельсіевымъ.

** Хотя многіе изъ нихъ и объясняются по-турецки, но съ трудомъ и очень неправильно.

поль и, въ качествѣ передоваго человѣка между Некрасовцами, состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Чайковскому и другимъ проживавшимъ въ Турціи членамъ польской пропаганды. Кромѣ Чайковскаго, который жилъ большею частію въ Константинополѣ, хотя нерѣдко посѣщалъ некрасовскія поселенія, и кромѣ Равскаго, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ жившимъ въ Константинополѣ французскимъ банкиромъ Аліономъ, находившимся въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ польскими пропагандистами, и агентомъ пропаганды, старымъ завзятымъ Полякомъ—Жуковскимъ. Этотъ послѣдній, бывшій сначала русскимъ офицеромъ, потомъ состоявшій на французской службѣ и наконецъ поступившій на службу султану, жилъ постоянно въ Тульчѣ и былъ главнымъ агентомъ Чайковскаго въ его сношеніяхъ съ задунайскими раскольниками. Гончаровъ находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и служилъ въ свою очередь посредникомъ между нимъ и своими единовѣрцами, а также единственнымъ для этихъ послѣднихъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей и слуховъ о происходящемъ въ Европѣ, какими почиталъ нужнымъ снабжать его Жуковский, получавшій иностранныя газеты отъ Чайковскаго. За преданность и усердную службу Гончаровъ получилъ даже отъ польской пропаганды особый знакъ отличія. * Какъ лицо съ

* Аркадій, архіепископъ славскій, взятый Русскими во время послѣдней войны съ Турками, котораго, въ отличіе отъ нынѣшняго Славскаго епископа Аркадія (второго), мы станемъ называть *первымъ*, на допросѣ, сдѣланномъ ему въ Кіевѣ, говорилъ между прочимъ: „Гончаровъ имѣлъ большія съ разными лицами знакомства.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ Константинополѣ онъ познакомился съ Чайковскимъ. Жуковскаго я видѣлъ въ Тульчѣ, — плотный, съ сѣдыми волосами и усами.“ Онъ же въ другомъ дополнительномъ показаніи: „О. С. Гончаровъ часто бываетъ въ Константинополѣ, сноситъ ся съ французскимъ банкиромъ Аліономъ и съ турецкими начальствами... Главнымъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей для Некрасовцевъ былъ и есть Гончаровъ и еще Полякъ Жуковский, бывшій прежде въ русской и французской службѣ. Послѣдній въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Садыкъ-пашой (Чайковскій) и Аліономъ и отъ перваго получаетъ иностранныя газеты.“ Въ октябрѣ 1854 года, новороссійскій генералъ-губернаторъ писалъ между прочимъ, что „Некрасовцы были постоянно покровительствуемы жившимъ въ Тульчѣ агентомъ польской въ Константинополѣ пропаганды, Жуковскимъ,“ что „Чайковскій нерѣдко посѣщалъ некрасовскія се-

такими значительными связями, Гончаровъ пользовался вліяніемъ между Некрасовцами и принималъ близкое участіе въ церковныхъ дѣлахъ заграничнаго старообрядства. Когда бѣлокриницкіе депутаты, затѣявшіе основать независимую раскольничью іерархію, на пути въ Константинополь прибыли къ Некрасовцамъ и объявили имъ о своемъ намѣреніи, Гончаровъ принялъ это извѣстіе съ большимъ сочувствіемъ и вызвался, при помощи своихъ связей, оказать имъ содѣйствіе. Онъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ константинопольскимъ друзьямъ, и особенно рекомендовалъ ихъ Чайковскому. Гончаровъ просилъ Чайковскаго помочь своимъ совѣтомъ и вліяніемъ устроенію дѣла, отъ котораго надлежало ожидать важныхъ послѣдствій для всего старообрядства.

Трудно допустить, чтобъ и австрійское правительство, предоставляя раскольникамъ право учредить въ Буковинѣ свою независимую іерархію, дѣйствовало безъ всякаго намѣренія причинить какой-нибудь вредъ дружественной Россійской имперіи; намѣреніе это можно легко усмотрѣть въ той необыкновенной внимательности, съ какою высшія правительственныя лица въ имперіи принимали двухъ раскольничьихъ монаховъ, и въ томъ рѣдкомъ усердіи, съ какимъ хлопотали они въ пользу сколько страннаго, столько же смѣлаго предпріятія этихъ монаховъ *. Чайковскій въ свою очередь также

ленія“ и „что Гончаровъ въ 1846 году получалъ отъ польской пропаганды за усердную службу знакъ отличія.“ За сообщеніе этихъ и другихъ извѣстій мы обязаны благодарностію П. И. Мельникову, имѣвшему возможность пользоваться правительственными архивами.

* Въ Вѣнѣ самое живое участіе къ своему дѣлу Павелъ и Алимпій встрѣтили именно со стороны ерцгерцога Лудвига и тогдашняго министра-президента графа Коловрата. Павелъ тогда же писалъ изъ Вѣны въ Бѣлую Криницу: „и лично были у герцога, царскаго роднаго дяди, который за несовершеннымъ здоровьемъ царя правитъ всѣми царскими дѣлами, и сверхъ нашего прошенія онъ внимательно о всемъ нашемъ дѣлѣ на словахъ разспрашивалъ насъ, и по всему кажется, что не позволить кому-либо насъ обидѣть.“ О министрѣ въ томъ же письмѣ говорилось: „Сія, столь важная особа, кажется, больше возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ пылкостью сказалъ: „завтра же буду видѣть его высочество, ерцъ-герцога Лудвига, и буду о вѣдѣхъ говорить, а когда возвратится ваше дѣло изъ губерніи,

весьма легко могъ сообразить, сколько новыхъ выгодъ получить анти-русское дѣло, если заграничнымъ раскольникамъ удастся утвердить у себя средоточіе раскольниковъ духовной власти, къ которому будетъ тяготѣть весь старообрядскій міръ, какъ удобно будетъ чрезъ посредство этой власти дѣйствовать на русскихъ старообрядцевъ, и какая вообще сдѣлана будетъ непріятность русскому правительству учрежденіемъ старообрядской архіерейской кафедрѣ за границей. Все это, очень естественно, расположило его дѣйствовать со всѣмъ усердіемъ въ пользу задуманнаго бѣлокриницкими монахами предпріятія. Онъ принялъ на себя главныя хлопоты объ отысканіи архіерея; самимъ же депутатамъ, ради устраненія всякихъ подозрѣній со стороны Грековъ и особенно греческаго духовенства, а также и самого турецкаго правительства, посовѣтовалъ вести себя какъ можно осторожнѣе и показываться на улицахъ и гдѣ бы то ни было какъ можно меньше. Такая предосторожность была тѣмъ нужнѣе, что Павелъ и Алимпій имѣли обычай всюду являться въ своемъ иночествѣ, и страннымъ одѣяніемъ раскольниковъ инока легко обращали на себя вниманіе: извѣстно, что въ Вѣнѣ, гдѣ они также расхаживали въ своихъ круглыхъ камилавочкахъ съ вѣнчикомъ и въ своихъ манатейкахъ, за ними чуть не бѣгали толпы уличныхъ мальчишекъ *. На этотъ разъ они могли, впрочемъ, легко избавиться отъ опасности быть замѣченными въ Константинополѣ. Частію для очищенія своей совѣсти, а еще болѣе ради успокоенія всего старообрядства, они считали нужнымъ обойти восточныя страны—

„и я буду оное видѣть“ (въ львовскомъ губернскомъ управленіи дѣлу ихъ противопоставлены были важныя препятствія, вслѣдствіе чего они и рѣшились перенести его въ столицу и подать „рекурсъ“ самому императору). Тѣмъ окончилъ аудіенцію.“ Письмо отъ 14-го іюля 1843 года.

* Вотъ что писалъ объ этомъ самъ Павелъ: „Народъ здѣсь (въ Вѣнѣ) вообще вѣжливый, но только въ разсужденіи нашего страннаго для нихъ образа столь удивляются, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя, на минутку остановился, спросить кого о чемъ, или въ лавкѣ что-либо купить, то со всѣхъ сторонъ толпами соберется народъ и обступя дивятся, аки на какое чудище, потому что такого вида человѣка, какъ мы, никто здѣсь и среду не видалъ“ (Письмо изъ Вѣны въ Бѣлую Криницу отъ 14-го іюля 1843 г.)

Египетъ, Сирію, Палестину, чтобы поискать тамъ епископовъ *древляго благочестія* (о существованіи которыхъ ходили между старообрядцами странные слухи) или же такого изъ православныхъ епископовъ, который бы согласился на воспріятіе этого, такъ-называемаго „древляго благочестія“. Въ путешествіе на Востокъ они и отправились теперь, оставивъ все дѣло о пріисканіи въ Константинополѣ нужной имъ священной особы на попеченіе пана Чайковскаго съ братіей. Когда они возвратились изъ Палестины, и конечно безъ всякаго успѣха, какъ предполагали и сами, въ Константинополѣ дѣло ихъ было уже подвинуто къ концу: Чайковскій нашелъ весьма опытнаго и искуснаго агента — извѣстнаго Константина Огняновича, а Огняновичъ въ свою очередь отыскалъ Амвросія и успѣлъ объяснить ему сущность дѣла съ самой выгодной для него стороны. Павлу и Алимпію оставалось только договориться съ Амвросіемъ относительно подробностей перехода въ расколъ и особенно относительно денежныхъ условій, которыя, какъ извѣстно, къ обоюдному удовольствію и были заключены 16-го апрѣля 1846 года. Но участіе Чайковскаго и его соотечественниковъ не ограничилось однимъ пріисканіемъ нужной для раскольниковъ духовной особы.

Такъ какъ путешествіе въ Палестину значительно истощило денежный запасъ, взятый депутатами изъ Бѣлой-Криницы, а между тѣмъ, на расходы въ Константинополѣ и на обратный переѣздъ вмѣстѣ съ новопріобрѣтеннымъ митрополитомъ въ Буковину, денегъ требовалось не мало, то Чайковскій помогъ имъ и въ этомъ отношеніи: онъ снабдилъ Павла значительною суммой, которая въ послѣдствіи съ благодарностью была выслана ему изъ Бѣлой-Криницы; когда нужно было покусуся вывезти Амвросія изъ Константинополя, то и это довольно опасное дѣло устроили тѣ же польскіе друзья старообрядцевъ. Они выправили для Амвросія паспортъ на имя майносскаго казака-Некрасовца; они отыскивали удобный на берегу Босфора домъ, гдѣ Амвросій перерядился въ казакское платье, такъ что въ одни ворота вошелъ греческимъ митрополитомъ, а въ другіе вышелъ „некрасовскимъ майносскимъ казакомъ“; они же наконецъ, подъ своею охраной и прикрытіемъ, проводили его до самаго парохода и съ рукъ на руки передали Павлу, который давно уже нетерпѣливо ожидалъ ихъ на этомъ, готовомъ къ